

Комета Галлея, появляющаяся на земном небосклоне каждые семьдесят шесть лет, с древнейших времен вызывала у людей суеверный ужас и считалась предвестницей несчастий. Когда весной 1910 года ожидали очередной ее визит, газеты и вовсе пугали всех концом света. Будто бы комета Галлея своим хвостом, который может простирается на полнеба, отравит земную атмосферу ядовитым газом и земной род прекратит свое существование. Но земная атмосфера оказалась непроницаемой для разреженных кометных газов, и проход Земли через хвост зловещей кометы никаких глобальных катастроф не вызвал.

К следующему визиту небесной гостьи в 1986 году земляне подготовились заранее и послали ей навстречу целую космическую флотилию, которая прошла в девяти тысячах километрах от летящего ядра кометы, и астрономам удалось рассмотреть его в облаках космической пыли. Фотографии кометы опубликовали издания всего мира. Говорили, что комета похожа на рыбу голову с красным глазом.

О дурных предзнаменованиях, связанных с появлением кометы Галлея, никто уже не вспоминал. Наоборот, на 1986-й человечество возлагало большие надежды.

Год начался с мировой сенсации — по взаимной договоренности лидеры двух ядерных супердержав Рейган и Горбачев обратились с новогодними поздравлениями к народам США и СССР. Американский президент впервые в истории поздравил граждан СССР с Новым годом, а Генеральный секретарь ЦК КПСС — американцев. Пятиминутное поздравление Рейгана советского народа показывали в программе «Время»: «Добрый вечер! Я — Рональд Рейган, президент Соединенных Штатов. Я очень рад, что могу обратиться к вам по случаю Нового года». Рейган говорил как проповедник. Нашим телезрителям такое было в новинку. «Для нас священная истина, — сказал он, — что каждый человек — это единственное в своем роде творенье Божье с его особыми талантами и надеждами». Горбачев в своем обращении к американскому народу тоже говорил о надежде. Перефразировав название романа Стейнбека «Зима тревоги нашей», он заменил «тревогу» на «надежду».

Спецкор Агентства печати «Новости» (АПН) Илья Ладогин встречал 1986 год в ожидании предстоящей ему длительной заграничной командировки в Афганистан, где уже шестой год шла необъявленная война. В афганское бюро АПН его отправляли на целых два года, и столь длительная командировка в застрявшую в Средневековье азиатскую страну, где женщины ходили в парандже¹, а по их календарю должен был наступить только 1365 год, не вызывала

¹ Старинная верхняя одежда в виде халата с длинными ложными рукавами, покрывающего женщину с головой. Отличается от чадры (женское легкое покрывало, закрывающее голову) тем, что зачастую предполагает наличие платка-никаба, полностью закрывающего лицо, в котором прорезь для глаз задрапирована густой сеткой или полупрозрачным материалом.

у Ильи особого энтузиазма, но отказаться было нельзя. Нужно было сменить их спецкора в Кабуле, и, когда редактор международного отдела АПН пожаловался ему, что никто туда ехать не хочет, Илью черт дернул за язык сказать, что он мог бы поехать. Уже на следующий день его вызвали к главному редактору. Главный, крепко пожав ему руку, поздравил с предстоящей командировкой в Афганистан, мол, для Ильи как журналиста-международника это очень перспективно, если его там не убьют, конечно.

Илья и сам понимал, что заграникомандировка в Афганистан была для него шансом, поскольку получить назначение собственным корреспондентом в Лондон, побывать в котором он, как всякий уважающий себя битломан, мечтал, было практически невозможно. Илья «заболел» битломанией еще школьником, даже не зная тогда, что покорившие его мелодии — это «Битлз». Это было летом 1974-го, когда после окончания восьмого класса всех, кто перешел в девятый, на месяц отправили из Харькова на сельхозработы в село Хотомля. По вечерам на организованной между берез и сосен дискотеке все танцевали под магнитофон. Самыми любимыми медляками у Ильи были надрывно-пронзительная «*Oh! Darling please believe me. I'll never do you no harm*» и несколько мрачноватая «*I want you. I want you so bad...*», звучавшая так, будто исходила из самого сердца. Завершалась эта почти восьмиминутная рок-композиция неустанными гитарными переборами под стон и шипение синтезатора. Под эти многократно повторенные гитарные риффы¹ Илья по уши влюбился в девчонку

¹ Рифф (англ. *Riff*) — совокупность нот, разделенных на фигуры, которые составляют музыкальную композицию.

из параллельного класса, прижимавшуюся к нему всем телом во время этого завораживающего медляка.

Вернувшись домой, Илья почти год безуспешно пытался выяснить, кто автор этой запавшей ему в душу композиции. Только к концу девятого класса он случайно услышал запомнившиеся ему гитарные переборы на магнитофоне одноклассника и от него же узнал, что это «*Abbey Road*» — последний записанный «Битлз» альбом, ставший их лебединой песней.

Своего магнитофона, чтобы переписать себе этот альбом, у Ильи тогда еще не было, но товарищ дал ему послушать пластинку со знаменитой битловской песней «*Girl*»: «*Is the anybody going to listen to my story all about the girl who came to stay...*» На советской пластинке эта песня была представлена как английская народная песня «Девушка» квартета «Битлз». «Гёрл» Джона Леннона покорила Илью окончательно. Теперь он просто бредил «Битлз», и, чтобы понимать, о чем поют в своих песнях англоязычные битлы, он даже подналег на английский, который стоило выучить только за то, что на нем разговаривал Леннон. В десятом классе Илья создал свой вокально-инструментальный ансамбль, и их визитной карточкой стала битловская «*Girl*». Но его мечте — взять афтограф у Джона Леннона — увы, не суждено было осуществиться.

Общественный статус Агентства печати «Новости», нацеленного в основном на внешнеполитическую пропаганду, позволял обмениваться информацией с представителями зарубежной прессы. Как всякое учреждение, связанное с границей, АПН работало в тесном контакте с «конторой», вплоть до того, что должность зампреда «Новостей» была закреплена за представителем КГБ. Под-

бором кадров в АПН занимались соответствующие отделы КГБ и студентов международного отделения журфака вели с первого курса, приглядываясь и оценивая их. Илья же еще в студенческие годы стал «невъездным» из-за своего участия в несанкционированном митинге, посвященном памяти Джона Леннона в декабре 1980-го, на котором он в шутку предложил переименовать Ленинские горы в «Леннонские». Спасло его тогда от отчисления с журфака МГУ лишь то, что к тому времени Джон Леннон считался в СССР «прогрессивным деятелем», чуть ли не коммунистом, ведь Джон, как и тогдашний генсек Брежнев, выступал «за мир во всем мире». Песня Джона Леннона «*Give Peace a Chance*» («Дай миру шанс») стала гимном всех протестующих против военных действий США во Вьетнаме, а сам Джон в знак протеста против поддержки Великобританией американской войны во Вьетнаме вернул королеве свой орден Британской Империи.

За выходку с «Леннонскими горами» КГБ взяло будущего международного под особый контроль, и ему очень повезло, что по окончании журфака его взяли в Агентство печати «Новости». Это была большая удача — со студенческой скамьи попасть в элиту отечественной журналистики, поскольку любая ошибка в студенческие годы навсегда закрывала путь в АПН, но там работали умные интеллигентные редакторы, которые честно отбирали людей талантливых. Редакция АПН была ориентирована прежде всего на западные страны, и, чтобы соперничать с мировыми новостными агентствами, КГБ давал ее сотрудникам определенную творческую свободу, потому что это была совершенно другая журналистика, где корреспонденту не нужно было ссылаться на решения последнего